С.В. Дьяченко

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва, Россия) svet-lan-a@list.ru

Е.Г. Жидкова

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН / Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия) zhidkova_elena85@mail.ru

А.В. Тер-Аванесова

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва, Россия) teravan@mail.ru

ПРИЧАСТИЯ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ И ПЕРФЕКТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ГОВОРАХ ПОД ОПОЧКОЙ

В работе дается описание форм и синтаксических функций причастий прошедшего времени и в первую очередь — их употребление в перфектных конструкциях в говорах Опочецкого р-на Псковской области. Материал представляет собой полную выборку контекстов с причастиями из приблизительно пяти часов аудиозаписей диалектной речи. В опочецких говорах и небольшой части соседних с ними тверских ш-причастия образованы от основы прошедшего времени (явилши и под.), что не встречается нигде за пределами этого небольшого ареала. Употребление полных и кратких форм, вид, залоговые формы причастий рассмотрены в связи с их синтаксическими функциями. Описано образование форм перфекта настоящего, прошедшего времени, сослагательного наклонения, отрицательных форм перфекта, диатезные типы перфектных конструкций, падежное маркирование субъекта и объекта. Согласование глагола-связки и причастий с подлежащим и их формы в случае отсутствия подлежащего охарактеризованы в связи с особенностями редукции /о/ в заударном конечном открытом слоге. Приводятся количественные данные по употреблению форм н/т-причастий, согласованных и несогласованных с подлежащим, в том числе несогласованных неусеченных форм (/дано/) и усеченных (/дан/); несогласованные формы совпадают с формами среднего рода. Опочецкие говоры имеют особую систему морфолого-диатезных типов перфектных конструкций, выделяющую их среди других восточнославянских диалектов. Как и системам большинства северно- и среднебелорусских говоров, опочецкой системе свойственно строгое распределение залоговых форм причастий в зависимости от переходности/непереходности глагола; вследствие этого в объектно-результативных конструкциях выступают n/m-причастия от переходных глаголов, а в субъектно-результативных — n/m-причастия от непереходных глаголов; в большинстве русских говоров это распределение нарушено. В отличие от белорусских говоров, в опочецких говорах, как и во всех русских говорах, знающих формы перфекта, агенс может быть выражен сочетанием n/m-причастия с подлежащим, что для белорусских говоров нехарактерно.

Ключевые слова: псковские говоры, причастие, перфектные конструкции, лингвогеография.

Перфектным конструкциям в северо-западных русских говорах посвящена большая литература. Важнейшими диалектологическими работами по русскому перфекту остаются монографии и статьи И.Б. Кузьминой, Е.В. Немченко и В. И. Трубинского, в первую очередь это [Кузьмина, Немченко 1971; Кузьмина 1975; Трубинский 1983; 1984]. Книга [Кузьмина, Немченко 1971)] представляет собой энциклопедию по синтаксису причастных форм в русских говорах, где описаны встречающиеся в русских говорах морфологические и диатезные типы перфектных конструкций и употребление причастий в других синтаксических функциях; в ней полностью учтен материал ДАРЯ, собственные экспедиционные записи авторов, собран и проанализирован материал диалектологических описаний первой половины XX в. Русские диалектные перфектные конструкции рассматривались в типологической перспективе, в сопоставлении с типами европейского перфекта [Недялков, Яхонтов 1983; Трубинский 1984; Плунгян 2016] и в ареальном аспекте — взаимовлияния перфектных (результативных) конструкций языков циркумбалтийского региона [Wiemer 2004; Seržant 2012; Arkadiev, Wiemer 2018]. Вместе с тем не пропала необходимость изучения перфектных конструкций в отдельных говорах. В работах, посвященных частным проблемам русских перфектных конструкций, уточняются ареалы употребления некоторых из них (например, о ситуации в архангельских говорах см. [Пожарицкая 2014]), уточняется характер варьирования форм перфекта в одном говоре (см., например, [Морозова 2004] о варьировании согласованных и несогласованных -н-/-т-причастий в опочецком говоре старообрядцев на р. Иссе), предпринимались попытки установить условия употребления ш-причастий и форм прошедшего времени в одном селигеро-торжковском говоре [Рыко 2002]. Работ, посвященных системам перфектных конструкций в русских говорах немного, можно назвать [Маркова 1989; Эркер 2014]. Можно думать, что говоры различаются не столько набором, сколько частотой употребления тех или иных перфектных конструкций.

В настоящей работе мы попытались описать формы и синтаксические функции причастий прошедшего времени и в первую очередь их употребление в перфектных конструкциях в говорах Опочецкого р-на Псковской области, на материале, собранном в 2017 г. Перфектные формы и конструкции в опочецких говорах рассматриваются в этой работе в следующих аспектах: образование причастий прошедшего времени; синтаксические функции причастий и употребление полных и кратких форм; вид и залоговые формы причастий прош. времени в связи с их синтаксическими функциями; образование форм перфекта настоящего, прош. времени, сослагательного наклонения и отрицательных форм перфекта; падежное маркирование субъекта и объекта в разных морфолого-диатезных типах перфектных конструкций: формы глагола-связки и причастий в перфектных конструкциях, их согласование с подлежащим и их формы в случае отсутствия подлежащего. В описании акцент сделан на морфологии причастных форм, выступающих в разных синтаксических функциях (однозначно определить которые в диалектном тексте не всегда возможно). Задача работы состоит и в том, чтобы показать специфику опочецкой системы морфолого-диатезных типов перфектных конструкций, ее отличие от территориально близких ей восточнославянских систем.

Семантики форм перфекта мы почти не касаемся. Отчасти этот пробел восполнен тем, что в приложении к работе приводятся списки глаголов, от которых в нашем материале зафиксированы формы перфекта. Это два списка глаголов, от которых формы перфекта образуются при помощи w-причастий и u/m-причастий. Списки представляют собой сводку данных, на которые мы опирались и которые были получены в результате полной выборки контекстов с формами причастий прош. времени из некоторого объема сплошных расшифровок аудиозаписей речи носителей говоров.

Опочецкие говоры по диалектному членению К.Ф. Захаровой — В.Г. Орловой [1970] относятся к среднерусским говорам Псковской группы. На юге они граничат с южнопсковскими говорами Невельского, Себежского и Пустошкинского р-нов Псковской обл., до 1929 г. входивших в состав Витебской губ.; эти говоры относятся к Западной группе южнорусского наречия, по [Захарова, Орлова 1970], однако ранее считались говорами белорусского языка в составе его северо-восточного диалекта [Карский 1903; Опыт 1915]. Н. Н. Дурново считал опочецкие говоры севернорусскими, смешанными с белорусскими [Дурново 2000: 77], тот же взгляд на эти говоры отражен и на карте Е.Ф. Карского.

Историко-диалектологическая реконструкция племенного диалекта кривичей, предложенная С. Л. Николаевым, показала, что только в современных говорах окрестностей Опочки представлен весь набор явлений, восходящих к древнему кривичскому диалекту, его псковской ветви [Николаев 1988; 1989]. Таким образом, смешанные с синхронной точки зрения говоры в результате классификации на основании специально отобранных явлений, существенных с точки зрения исторической фонетики и акцентологии, оказываются «центральными». Вместе с тем на современной диалектологической карте эти говоры выделяются рядом «эксклюзивных» изоглосс. Это особые (1) правила редукции безударных гласных:

в предударной позиции аканье и сильное яканье практически без отклонений, в конечной безударной позиции факультативно сохраняется оканье и ёканье, а также «расширение» гласных верхнего подъема и и ы, см. [Образование 1970: 372; Чекмонас 2002; Дьяченко и др. 2017]; (2) система флексий презенса — компромисс между «белорусской» (чередование тематических [е] и [о] в презенсе глаголов І спряжения) и «псковской» (окончания 3 л. без -ть) системами; (3) система флексий а-склонения; и, наконец, особая система перфектных конструкций (ее, как будет показано ниже, тоже можно рассматривать как компромисс между северо-восточной белорусской и псковской системами).

1. Образование причастий прошедшего времени. Суффиксы причастий

Причастиями прош. времени мы будем называть производные формы глагольной парадигмы с суффиксами -ш-, -н-, -т-, как изменяемые (собственно причастия), так и неизменяемые (деепричастия). Как известно, деепричастия исторически восходят к причастиям и представляют собой «застывшие» формы именительного падежа ед. числа действительных причастий. В русских диалектных перфектных конструкциях изменяемые страдательные причастия прош. времени и неизменяемые действительные причастия прош. времени (деепричастия) параллельно употребляются в составе сказуемого, и, учитывая эту их общую синтаксическую функцию, в работах по русскому диалектному синтаксису принято называть те и другие причастиями, см. в частности [Кузьмина, Немченко 1971; Трубинский 1984].

Действительные причастия прош. времени в опочецких говорах образуются с помощью суффикса -ш- непосредственно от основы форм прош. времени. Глаголы с основой претерита на гласный: яви́лшы, спа́лшы, нагну́лшы, пъкало́лшы и т. п.; ну-глаголы с основой претерита без -ну-: размя́кшый; атематические: е́лшы; С-корневые глаголы: памёршы, вы́ръсшы, замёрсшы, атцвёлшы, и лишь у глагола идти ш-причастие образуется «этимологически правильно» от основы претерита: ушо́ччы, из *šьd-ъš-i. В речи старшего поколения суффикс причастий -лш- представлен практически без исключений (см. ниже о территориальном распространении этой формы суффикса), среднее и младшее поколение носителей говоров предпочитает стандартную форму суффикса -вш-.

В примерах закры́лсы^в 2х ЕНМ¹, прие́хафсы ЛСО представлен редкий фонетический вариант суффикса -ш-, обусловленный изменением [ш]>[с] после согласного. Смешение [ш] и [с], как известно, является древней псковской особенностью, но в современных говорах видна тенденция к замене [ш] на [с] в соседстве с согласным [Глускина 1962; Николаев 2005: 94–112]. По данным [ДАРЯ II, карта 112], в 1950-е гг. в опочецких говорах был зафиксирован вариант ушо́тсы (или ушо́ццы, наряду с ушо́ччы), отражающий то же фонетическое изменение [Николаев 2005: 108]; однако нами было отмечено только -шо́ччы.

¹ См. список информантов в конце статьи.

В географическом плане образования на *-лш*- (с согласным *л*) практически не выходят за пределы компактного ареала, границы которого очерчиваются линией: верховья р. Великой до впадения в нее Иссы, включая населенные пункты по ее левому берегу — Опочка — Новоржев — Великие Луки [ДАРЯ II, карта 111]. Форма суффикса *-лш*- действ. причастий прош. времени, таким образом, является одной из «эксклюзивных» опочецких изоглосс. В пределах указанного ареала в двух населенных пунктах зафиксирована форма *ушо́лшы* [ДАРЯ II, карта 110], образованная в соответствии с «опочецким» инновационным правилом образования *ш*-причастий².

Распределение суффиксов -*н*- и -*m*- страдательных причастий прош. времени тривиально; об особенностях образования и ударения страдательных причастий прош. времени см. [Дьяченко и др. 2017: 289–291]. Краткие и полные *н*-причастия имеют в суффиксе один *н*.

2. Синтаксические функции причастий прошедшего времени. Полные и краткие формы причастий

В опочецких говорах, как и в литературном языке, с разными синтаксическими функциями связано употребление полных (μ/m - и μ -причастия), кратких (μ/m - причастия) и неизменяемых (μ -причастия) форм, см. таблицу 1. Полные и краткие формы причастий в этих говорах морфологически различаются достаточно отчётливо: примеры со стяжением гласных в результате выпадения интервокального μ единичны, зафиксированы в окончаниях прилагательных и глаголов [Дьяченко и др. 2017: 267–268].

В табл. 1 указано приблизительное количество примеров причастий прош. времени в разных синтаксических функциях, поскольку в диалектном тексте не всегда можно определить эти функции однозначно. В нашем материале отчетливо выделяются депиктивные употребления, для которых характерны полные формы причастий (пункт Б). Довольно хорошо разграничиваются употребления неизменяемых

² Интересна западная граница этого ареала: она приблизительно совпадает с границей распространения флексии -/e/ Р., Д., М. падежей ед. ч. и счетной формы существительных а-склонения (сястре́), западнее этой границы распространены системы с флексией -/u/ в этих падежах (сястры́). Обе изоглоссы проходят по территории Опочецкого р-на, так что говоры старообрядцев на Иссе включаются в основной «опочецкий ареал», а говоры Барсановской волости (мы располагаем данными по д. Рогаткино), видимо, примыкают к более западным говорам Красноборского р-на Псковской обл., где еще в первой четверти XX в. население говорило на языке сету (авторы благодарят Петра Кеянова за этот комментарий).

w-причастий в роли обстоятельств (пункт Γ) и их предикативные употребления в составе форм перфекта; здесь морфологическим критерием разграничения может быть залог причастия, см. раздел 6. Более или менее отчетливо выделяется группа атрибутивных употреблений (пункт A), возможные иные трактовки примеров из этой группы указаны ниже.

Таблица 1 Синтаксические функции причастий прош. времени; полные, краткие, неизменяемые формы причастий

	Полные формы	Краткие и неизменяемые формы	
Определение	15	1 (краткая форма)	
Депиктив	2	_	
Сказуемое в перфекте	5	336 (краткие и неизменяемые формы)	
Сказуемое не в перфекте	3	_	
Обстоятельство	_	9 (неизменяемые <i>ш</i> -причастия)	

Сложность представляет разграничение предикативных «перфектных» и «неперфектных» употреблений полных H/M-причастий (полные M-причастия, видимо, отсутствуют случайно), все примеры приведены в пункте (B).

А. <u>Атрибутивные употребления</u> причастий прош. времени представлены 15-ю примерами из нашей выборки; краткая форма страд. причастия выступает только в примере (6), прочие демонстрируют полные формы. Среди примеров есть одиночные причастия (1), (2), имеющие при себе указательное местоимение *такой/такей* (3)–(5), причастные обороты с зависимыми словами, выражающими субъект действия (6)–(7) или средство (8); в примерах (9)–(10) причастия входят в группу сказуемого. В примерах (11)–(12) причастия *крещёный*, *провожёный* 'по ком отслужена заупокойная служба' можно считать атрибутами при опущенном определяемом имени или дополнениями.

- (1) **Виданая** дефчонка... А ужо фспомнить не магу, ужо фсё w меня́ з галаве́ вышло. Вот помню я, виданая, я тябя́ давно́ ня видила? ЕГЯ; (Эту) девчонку случалось видеть (мне раньше). А уже вспомнить не могу, уже всё у меня из головы вышло. Вот помню я, что случалось видеть...
- (2) *И е́тът лён мало́чънъй, ф пруды́, мачы́ли* ЕНМ; И этот лён *молоченый* в пруды, мочили (из рассказа об обработке льна).
- (3) Вот куплиные такие ф стенке ЕГЯ; Вот купленные такие в шкафу (купленные на рынке старообрядческие кресты, в отличие от старинных литых крестов).
- (4) Адделанъй такей, красивенький, ф кълидоре стаить он сичас. Такой, и он как, и адделанъй такой ЕГЯ;
  Отделанный такой, красивенький, в коридоре стоит он (сундук) сейчас.
- (5) Навя́зывайе ра́з ба́ба, а в мяня́ ужо́ ръзвърава́ли, и крясто́в нет... де́ньги бы́ли взя́ла и купи́ла. Тък во́т, в мяня́ ф киво́де ляжы́ть вот е́тът лиме́нивый... И таке́й вот вли́тъй, пъгляжу́, на маги́лкъх уже́ (крест) ЕГЯ;

- Навязывает раз торговка на рынке, а у меня уже разворовали, и крестов нет. Деньги были взяла и купила, так вот, у меня в киоте лежит вот этот алюминиевый. И такой же вот *вмурованный*, я вижу, уже на кладбище (возможно перфектное прочтение: И такой вот *вмурован*, вижу, на кладбище).
- (6) Там може вот в сундуке какие-то я думу есь сатканы када хош пълатенцы. Ишише в маме как-то яны, ткала и яна сама. Наряде етот стаму. И там вот ы ткала. Я думаю ешше йесьть шматы какие-то тканые, ф самой ЕГЯ; Там, может быть, вот в сундуке какие-то, я думаю, есть вытканные, если хочешь (посмотреть), полотенца. Еще мама как-то их... и ткала она сама. Оснуёт этот станок, и на нём вот и ткала. Я думаю, ещё есть куски полотна какие-то тканые, ею самой.
- (7) А вот в маме што тканые там, то есть шматы, фсё фкинуты в этьм сундуке ЕГЯ;
  А вот мама которые ткала там, то есть куски полотна, всё закинуты в этот сундук³.
- (8) Эту старъя пастройка, гарела так страшнъ! Шы́фиръм кры́тъя, шы́фир браса́е куды хо́ш, к на́м г до́му, у мяня́ за до́м зъкида́лъ вон туда́ ЕГФ; Это старая постройка, горела так страшно! Крытая шифером, шифер бросает куда попало, к нашему дому, у меня за дом закидало вон туда.
- (9) Ки́пы када́ **съвя́заные** е́ты, с^ънапы́. А еф там ки́п навя́зъно мно́гу! ЕГЯ; Кипы это когда *связанные* снопы. Вон там кип навязано много!
- (10) Ток ну, це́ментъм зали́тае фсё АЯЕ; Ток ну, всё залитое цементом.
- (11) Пръвади́ть фсягда́ право́дють. А нипръважо́ных кто вто́пициъ не право́дють, и кто зада́вициъ ни право́дють. Этъ уже бе́с принима́е... Бе́с владе́я. На то́е кладу́ть, то́лька нипръважо́ныи ЕНМ; Отпевать всегда отпевают. А не отпетых кто утопится не отпевают, и кто повесится не отпевают, это уже бес принимает. Бес владеет. (Их в доме) кладут на то же (место), только (они) не отпетые.
- (12) Ви́ти не́т шасна́ццъть ле́т, вот тябе́ и кряшчо́ной ЕНМ; Вити нет в живых шестнадцать лет, вот тебе и крещёный (а некрещёные живы).
  - Б. Причастия в депиктивной функции:
- (13) Придиш розъвинький, размя́кшый (из бани) АЯЕ;
- (14) Тяпе́рь далжны́ де́ти хади́ть ф шко́лу **пъдгато́вленые** ЗИИ.

³ С атрибутивным прочтением этого примера: 'а которые *тканые* мамой, то есть шматы, все закинуты в этом сундуке' может конкурировать прочтение, при котором *тканые* является сказуемым относительного придаточного 'а которые *ткала* мама шматы, закинуты...'. В других примерах относительных придаточных сказуемое в перфекте выражено кратким *н/т*-причастием: *Ф каво́ и до́м ку́плен* — *прие́дуть, неде́льки дьве́ пабу́дуть* — *дъсьвида́нье* 'Кто *купил* дом, приедут...' ЕНМ; *Като́ръй чълаве́к до́н, тот* наки́дывае, связе́ и ски́не 'Кого назначили, тот набрасывает на воз, отвезет и выгрузит' ЕНМ. Ср. также с *ш*-причастием в изъяснительном придаточном: *Нау́тро фстаём и глядём, какой расьцьвёлшы* 'Утром встаём и глядим, какой цветок расцвёл' АЯЕ.

- В. Предикативные «неперфектные» употребления, по-видимому, представлены у немногих полных форм причастий прош. времени. «Неперфектная» трактовка сказуемых кажется предпочтительной, если причастие — несовершенного вида (см. примеры (15)-(17)); в этих примерах глаголы, от которых образованы причастия, называют способы обработки предметов, а причастия (крашеный, копаный, кошеный) — качества предметов или результаты действий, актуальных как таковых (актуальность их результатов не соотнесена с определенным временным планом, что характерно для перфектных значений). Для четырех примеров полных причастий совершенного вида (18)-(21) можно предполагать «перфектное» прочтение. Однако в примерах (20)-(21) контекстное соседство предикативных кратких и полных причастий при описании одной и той же ситуации (вси в сарае в этом сожжёны и народ сожжёный был в примере (20); посаженый он туды и туда влит в примере (21)) может свидетельствовать либо о возможности варьирования полных и кратких причастий в перфектных формах, либо о семантическом различии полных и кратких форм: выражении полными формами значения качества, а не результата действия. О синтаксической функции формы тканые (7) см. в сноске 2.
- (15) Раньшъ ж были **некрашыные** АЯЕ; Раньше же были **некрашеные** (полы).
- (16) *Ну пруды́ таки́е. В пруду́ вада́. Ну ани <u>наве́рнъ</u> ко́пъные, етъ без меня́ капа́ли ЕНМ; Ну пруды такие, в пруду вода. Ну они, наверное, <i>копаные*, это копали, когда меня тут не было.
- (17) А везьде́ бы́ла не вы́къшена. Ската́-тъ не́т в дяре́вни, та́м теперь жыле́ц тока де́ржа скати́ну, ската́-тъ нет. Ну вот. Фсё няко́шънае, па е́туй траве́ фсё пашло́ ЕГФ; А везде было не выкошено. Скота-то нет в деревне, там теперь съёмщик только держит скотину, скота-то нет. Ну вот, всё некошенное, и по этой траве пошёл огонь.
- (18) Жале́знъи но́шки, там рязи́на **падби́тъя** ЗИИ; Железные ножки, внизу *подбитая* резина.
- (19) Кто паги́п, а къто́ и **пъкале́чънъй**, а кто и аста́лся жыво́й ЕНМ; Кто погиб, а кто и раненый, а кто и остался живой (в аварии).
- (20) Гвари́ть, с... рибятёнки фси ско́рнулшы, фси ф с е́тъ, ф сара́е в этъм сажжо́ны, и фси наро́т сажжо́ный был ЕГФ; Говорит (очевидец): дети все скорчились, все в сарае в этом сожжены. И все, люди были сожженые.
- (21) И ён туды вмёршшы, **паса́жънъй** он туды, и вот бальше́й тако́й, лими́невый... вот тако́й бальше́й и туда́ вли́т ЕГЯ; И он (крест) туда (в надгробную плиту) намертво влип, вставленный он туда. И вот большой такой, алюминиевый... вот такой большой, и туда вмурован.

Г. В роли глагольных модификаторов (обстоятельств), как и в литературном языке, в опочецких говорах выступают неизменяемые *ш*-причастия, образованные от переходных и непереходных глаголов. Напротив, в роли сказуемых в перфектных конструкциях залоговые формы причастий строго распределены в зависимости от переходности / непереходности глаголов, и перфектные формы с *ш*-причастиями образуются только от непереходных глаголов (см. раздел 6). Ниже материал по причастиям в роли обстоятельств приводится полностью.

В примерах (22)-(25) неизменяемые *ш*-причастия образованы от <u>переходных</u> глаголов. В примере (23) возможна трактовка *забралши* как образования от переходного глагола *забрать* или от непереходного *забраться*. В (22)-(23) *ш*-причастия могут быть интерпретированы и как формы перфекта наст. времени, выступающие в роли сказуемого (однако в этом случае они, будучи образованы от переходных глаголов, являются исключением из правила о соотношении залоговых форм причастий и переходности, свойственного формам перфекта) или как неизменяемые причастия в роли глагольного модификатора. В примерах (24–25), а также (43) предпочтительна трактовка *ш*-форм как модификаторов глагола, обозначающих действие, предшествующее другому, выраженному финитной формой.

- (22) Адяйаль **скиньлиы**, балта́е нага́м ЕНМ; Скинув одеяло, болтает ногами ~ Скинула одеяло, болтает ногами (о тяжело больной).
- (23) В долк забралиы, атрабатывьть надъ ЕНМ; Забравшись в долги, надо отрабатывать $\sim$ В долги забрался, (и теперь) надо отрабатывать $\sim$ (Если) забрал в долг, (то) надо отрабатывать.
- (24) Пашли, рей **абмълати́лшы**, а мужыки́ ко́сють, а ба́бы тада гра́бють грабля́м ЕНМ; Пошли, обмолотив овин; а мужики косят, а бабы гребут граблями.
- (25) Я иду́ каро́вы **пъдайлшы**, ни магу́ даже ниско́лька шага́ть ЕНМ; Я иду, подоив коров совсем не могу шагать (из-за ушиба).

Неизменяемые w-причастия от <u>непереходных</u> глаголов выступают в функции модификаторов глагола, обозначая действие, предшествующее действию, названному финитной формой (26)-(27), или являющееся его причиной (28)-(29):

- (26) А я ви́дела тихо́ньку, што ён стайть пришо́ччы, я взя́ла спря́талася и не пъказа́лася ЕГЯ;
  А я видела из укрытия, что он пришёл и стоит (=стоит пришед), я взяла спряталась и не вышла к нему.
- (27) *А я аде́лася так з гълаво́й, гълаву́ аде́ла, ляжу́ прити́хшы* ЕГЯ; А я накрылась так, с головой, голову накрыла, *притихла* и лежу (=лежу *притихнув*).
- (28) Мне и так наро́т нъдае́л **хади́лшы** к тябе́ ЕГФ; Мне и так люди надоели, тем что постоянно ходят к тебе (=надоели ходя).

- (29) *Каво́ мне де́лъть, нъдае́ли звани́лшы* ЕГФ; Что мне делать, надоели, *тем что всё время звонят* по телефону (=надоели *звоня*).
- (30) *И как ты жыла ни гуля́лшы*, как ты карьмилася? ЕГЯ; И как ты жила не гуляя (т. е. ничего в жизни не видела)?

Обращает на себя внимание «ярко диалектный» характер употребления w-причастий в примерах (26)-(30). В частности, «литературным» аналогом w-причастий от глаголов несовершенного вида в примерах (28)-(30) являются деепричастия наст. времени, но даже при подстановке таких форм на место w-причастий, как в наших «переводах» примеров (28)-(29), мы не получаем стандартных употреблений.

3. Вид причастий прошедшего времени

В формах перфекта употребляются причастия совершенного вида. Исключением могут быть формы елши и не елши (пример (43)), однако предпочтительна «неперфектная» трактовка причастий в этом примере, см. раздел 5, не спалшы (106), тканые (7). На употребление причастий прош. времени несовершенного вида в других синтаксических функциях ограничений, по-видимому, нет: виданая девчонка (1), лён молоченый (2), шматы ... тканые в маме (6), (7), постройка... шифером крытая (8) (причастия в роли атрибутов); некрашеные (полы) (15); они наверно копаные (16); всё некошеное (17) (причастия в роли предикатов, не в формах перфекта); надоел ходилии, надоели звонилии, жила не гулялши (28)-(30) (неизменяемые причастия в роли обстоятельств). Примеры, кроме (2), (6)-(8), (15), (17) демонстрируют схожие значения 'обработанный некоторым способом'. В примере (1) представлено редкое в опочецких говорах экспериенциальное значение причастия прош. времени 'девчонка, которую мне доводилось видеть = которую я видывала'; примечательно, что это значение, считающееся развитием перфектного значения [Горбова 2016], выражено причастием в атрибутивной функции.

4. Формы перфекта

Формы перфекта образуются при помощи вспомогательного глагола 6ыть и причастия прош. времени, действительного или страдательного.

Вспомогательный глагол в форме прош. времени и сослагательного наклонения согласуется с подлежащим в роде и числе; если подлежащее отсутствует или

⁴ Между тем в восточнорусских говорах такие употребления встречаются: Он надоест тебе ходя (о бегучей собаке, которую хозяйка вынуждена разыскивать по деревне) Пустоша Шатурск. Московск.; подобные примеры приводятся в [Кузьмина, Немченко 1971: 200–209]. Ср. также Не работа не заплотют 'Если не работал, тебе не будут платить пенсию' Шеино Шатурск. Московск.; и с миш-причастием: И вот не работамии им деньги 'И вот, хотя они не работали, получают пенсию' Пустоша Шатурск. Московск.

выражено количественным сочетанием, связка имеет форму ср. рода⁵ с окончанием -/o/. В настоящем времени вспомогательный глагол опускается.

Действительные причастия, или *ш*-причастия, — неизменяемые.

Страдательные причастия, или *н/т*-причастия, как правило краткие (полные формы встречаются крайне редко, все примеры, которые могут иметь «перфектную» трактовку, приведены выше в разделе **2B**), могут быть согласованы или не согласованы в роде и числе с каноническим подлежащим. Несогласованные формы бывают двух видов: 1) неусеченные — совпадающие с формой ср. рода, с окончанием -/o/ (*напи́сано* / *напи́санъ* / *напи́сана*) и 2) усеченные — совпадающие с формой муж. рода, с нулевым окончанием (*напи́сан*); последние развиваются из форм ср. рода путем усечения конечного гласного [Трубинский 1983: 216]. В перфектных конструкциях без подлежащего и в случаях неканонического подлежащего *н/т*-причастие имеет форму ср. рода, неусеченную или усеченную.

Определение грамматической характеристики глагола-связки и *н/т*-причастия затруднено омонимией некоторых их форм, обусловленной фонетически и акцентуационно. Для опочецких говоров характерна факультативная редукция заударной /о/ в конечном открытом слоге, иначе говоря, варьирование форм с конечными безударными [о], [ъ], [а] на месте /о/. В нашем материале форма ср. рода трижды встретилась без редукции: [бы́ло] ЕГЯ, АЯЕ 2х, 13 раз — с редукцией конечного гласного⁶, ср. об /о/ в причастных формах в разделе 7.

Все формы прош. времени *V*-корневых глаголов в опочецких говорах имеют ударение на корне независимо от праслав. акцентной парадигмы глагола (за исключением ударения на некоторых приставках и частице *не* у глаголов а. п. *с быть* и *дать*, подробнее см. [Дьяченко и др. 2017: 288–289]). Эти особенности редукции и ударения приводят к частичной омонимии форм ж. и ср. рода глагола-связки в прош. времени: м. *был,* ж. *была, была, быль, была, была, была, мн. были, быле.* Тем не менее синтаксическая дистрибуция форм связки свидетельствует о согласовании ее с подлежащим и употреблении форм ср. рода при отсутствии подлежащего, см. разделы 7–9.

Формы *н/т*-причастий имеют накоренное или насуффиксальное ударение [Там же: 289–291], поэтому формы ср. рода отличаются от форм ж. рода причастий только в тех случаях, когда конечная заударная /о/ представлена как [о].

⁵ Употребление форм ср. рода в тех же условиях в балтийских языках принято называть дефолтным согласованием, см., например, [Arkadiev, Holvoet, Wiemer 2015].

⁶ [о] в соответствии с /о/ в заударном конечном открытом слоге гораздо более последовательно произносится в говоре старообрядцев на р. Иссе, чем в основном массиве опочецких говоров, расположенных восточнее. Однако и говору старообрядцев свойственна факультативная утрата лабиализации аллофонов /о/ в этой позиции. Постулирование не знающего исключений сохранения [о] у старшего поколения носителей этого говора [Чекмонас 2004; Морозова 2004] приводит к необходимости трактовать формы н/m-причастий с конечными [а] и [ъ] как отсутствие согласования причастия с подлежащим, при котором причастие выступает в форме женского рода [Морозова 2004], что представляется нам ошибочным. Однако это не уменьшает значимости работы Н. А. Морозовой и не снижает ее высокую оценку.

Редукция /о/ до [а] или [ъ] приводит к омонимии форм ж. и ср. рода, которая может быть лишь частично снята с учетом контекста, поскольку, в отличие от форм глагола-связки, формы H/m-причастий могут быть согласованными и несогласованными с подлежащим. Кроме того, омонимичны формы H/m-причастий м. рода, согласованные с подлежащим, и усеченные несогласованные формы, ср. в следующих клаузах:

Дом продана; Дама продана (/продано/: причастия ср. р., несогласованные неусеченные формы);

Каро́ва про́дана (/про́дана/: ж. р., согласованная форма, или /про́дано/: ср. р., несогласованная неусеченная форма);

 $Bc\ddot{e}$ $np\acute{o}\partial aha$ (/пр\acute{o}дано/: ср. р., согласованная или несогласованная неусеченная форма);

Каро́ва про́дан; Всё про́дан; Дама́ про́дан (/про́дан/ < */про́данo/: ср. р., несогласованные усеченные формы).

Грамматическая характеристика сказуемого, в состав которого входят неизменяемые u-причастия, может быть установлена только по форме связки прош. времени или сослагательного наклонения и по контексту.

<u>Формы перфекта прошедшего времени с отрицанием</u>. В формах перфекта прош. времени частица *не* ставится перед причастием, если в предложении нет других отрицательных слов:

- (31) A везьде была не выкъшена (А везде было не выкошено) $E\Gamma\Phi$;
- (32) *А е́ть ярмънки, бы́лъ не спа́лшы* АЯЕ; А когда ярмарки — не спали (=было не спалии; т.е. в те дни молодежь не ложилась спать).

Если в предложении есть второе отрицание, то частица *не* ставится перед глаголом-связкой:

- (33) <u>Ни разу</u> **не́ был вы́гнът** с рабо́те ЕГЯ; (Сын) ни разу не был выгнан с работы.
- (34) Я выхажу́, он там дъмыва́е катёл о, бап, ф тябя́ так <u>никада́</u> **не́ было** вы́чышшън, как я вы́чысьтил катёл. Я гърю, ну и мъладе́ц $E\Gamma Я;$

...ты так <u>никогда</u> не вычищала (= y тебя не было вычищен(o)), как я вычистил котёл.

Формы перфекта в условных и оптативных конструкциях. В условной ирреальной конструкции зафиксирована форма перфекта прошедшего времени без частицы $\delta \omega$:

(35) Эсли п не ба́пки, уш йа́ давно́ зъхаро́нен бы́ла ЕГЯ; Если бы не бабки (знахарки), уж меня бы давно похоронили (=я была захоронен(o)). Ср. перфект наст. времени в условных конструкциях, выражающих реальное условие:

(36) Ёсьли **твой расьцьвёлшы**, ты будиж жыть бауато, а е́сьли **не расьцьвёл-шы**, то, то ты, ну как: жыдь будиш, а тихо́ничко АЯЕ;

Если твой цветок расцвёл — ты будешь жить богато, а если не расцвёл, то как: жить будешь, но потихоньку (гадание на Иванов день).

Форма перфекта прошедшего времени представлена при союзе чтоб:

(37) Прика́зывъйу, <u>штоб</u> **бы́ли прие́хълшы** Сярёшка с О́льгой, штоп О́льга папе́ла АЯЕ:

Прошу, чтобы приехали Серёжка с Ольгой.

В оптативной конструкции с союзом *хоть бы* отмечена форма перфекта наст. времени:

(38) Ходь бы адин струк асталшы (Хоть бы один стручок гороха остался) ЕГЯ.

5. Залог причастий в формах перфекта

Залог причастий в формах перфекта в опочецких говорах зависит от переходности/непереходности глагола: переходные глаголы образуют формы перфекта со страдательными причастиями, непереходные, в том числе возвратные, — с действительными; в формах перфекта суффикс -ся у причастий от возвратных глаголов отсутствует. Вот несколько примеров опочецкого употребления перфектных форм от переходных и непереходных глаголов:

- (39) У мяня таперь **аста́лиы** там анна́ или дьве́ нибальше́нькии кни́шки, а та́к, фси́ там ф ц'е́рькви **аста́вленъ**, што мне фси́ и ня на́да, то́льке са́мые гла́вные ЕГЯ;
  - У меня сейчас *остались* там одна или две небольшие книжки, а все остальные *оставила* (*=оставлено*) в церкви, потому что мне все и не нужны, только самые главные.
- (40) Ну е́то там нъстая́лшы е́т адува́н ЕНМ; Ну это там настоялся этот одуванчик (о приготовлении настойки для растирания).
- (41) И вылит такой бальшенный стукан какой-то ш чаво-ту там, с этый с ызвёстки, там што-то белаё, што там, ш чаво разводють, развядёна какаянить кашыцай, и ён туды вмёршшы, пасажанэй он туды, и вот бальшей такой, лиминевый, вот такой бальшей, и туда влит ЕГЯ;
  - И *отпит* такой огромный истукан (памятник) какой-то, из чего-то там, из извёстки; там что-то белое, что там, что разводят что-то *развели* кашицей, и он (крест) туда *влип* намертво, *вставленый* он туда; и вот такой величины, алюминиевый, вот такой большой, и туда *вмурован* (описание надгробия со староообрядческим крестом).

Данное распределение иллюстрируется материалом в приложении к статье. В опочецких говорах по реке Великой это правило практически не знает

исключений. Немногие исключения из этого распределения, то есть w-причастия от переходных глаголов и n/m-причастия от непереходных в составе перфектных форм, имеют, по-видимому, общерусское распространение (примеры (42)–(44); см. [ДАРЯ III (2), карта 1]; далее приводим все встретившиеся, в том числе спорные примеры.

А. Перфектные формы глаголов *выпить* (42) и *есть* (43). В последнем примере неизменяемое причастие *елши* может иметь двоякое прочтение: как формы перфекта наст. времени — сказуемого основной предикации или как глагольного модификатора:

- (42) Па́рьни фсегда́ вы́пилшы на девя́тник ЕНМ; Парни всегда пьяные на девятник⁷.
- (43) *Мы то́ ли е́лшы, то́ ли не е́лшы, зямлю́ капа́им* ЕНМ; Мы то ли *ели*, то ли *нет*, землю копаем ~ Мы, то ли *поев*, то ли *не поев*...
  - Б. Перфектная форма от непереходного (*про*)гореть образована с суффиксом -*н*-8:
- (44) Згаро́да мале́нька **бы́ла пръгарён** ЕГФ. Немного прогорела изгородь (=была прогорён(о)).
- В. В нескольких случаях характер основы, от которой образована перфектная форма, не может быть однозначно установлен. В примере (45) нашоччы может быть образовано от переходного найти или непереходного найтись; в первом случае отклонение от правила соотношения переходности глагола и залоговой формы причастия можно объяснить влиянием очень частотных непереходных производных от основы идти (см. приложение); образование от найтись соответствует правилу. В примере (46) образование от неясной диалектной основы: прозабыть или прозабыться 'забыть всё, потерять память'. Причастие заняльши в примере (47), видимо, от заняться и соответствует основному правилу.
- (45) Мам, бы́л у тея до́ш? Да так, тока не́скълька ка́плей в вядре́ нашо́ччы ЕГФ;
  Мам, был у тебя дождь? Да так, только несколько капель в ведре (я) нашла ~ нашлось.

⁷ Престольный праздник в д. Барабаны, день ярмарки.

⁸ Предикативные *н/т*-причастия от этой основы фиксируются и в восточнорусских говорах, ср. в говоре с. Пустоша Шатурского р-на Московской обл.: *Была́ был клюква тут рядом, а всё сгоре̂ло*. *Тепе́рь там всё сгоре̂то*. В восточнорусских говорах редкие образования такого рода от непереходных глаголов встречаются в системах, для которых характерны объектно-результативные конструкции с предикативными *н/т*-причастиями от переходных глаголов (*Дом построен*) и субъектно-результативные конструкции с предикативными *ши*-причастиями от ограниченного числа непереходных и переходных глаголов со значением состояния: *Он (не) емиш, (не) пимиш, (не) спамиш, выпимиш, согнумиш* и под., см. [Кузьмина, Немченко 1971]; к этому типу относится и русский литературный язык, ср. обсуждение форм типа *Он выпимиш* в [Ландер 2005].

- (46) Вот видиш в мяня́ ско́льки сабы́тий фся́ких бы́ль. И я ъшше ня wcë забы́ла. Та́к уже я **пръзабы́лшы**, а вот как загъвари́ла, ишшо́ вот ы па́меть е́сь, мно́гу гадо́w мне! ЕГЯ;
  - И я ещё не всё забыла. Так-то уже я (всё) nepesabыna, а вот когда начала говорить ещё вот память есть. Много лет мне! $\sim$ Так-то уже я sabыnacb (потеряла память)...
- (47) Сын въпива́я, а вну́к не вупива́я. Ну мъладе́й, нъ рабо́ту хо́дя, **заня́лшэ** фсё дяла́м, рабо́туй ЕГЯ;
  - Сын выпивает, а внук не выпивает. Ну молодой, на работу ходит, занят (занялся) всё делами, работой.

Таким образом, «исключения» из правила о соответствии между залогом причастий в формах перфекта и переходностью/непереходностью глагола таковыми не являются; поэтому альтернативные «перфектные» прочтения w-причастий в примерах (22)–(25), по-видимому, следует отклонить и считать, что в них w-причастия от переходных глаголов выступают в синтаксической функции глагольных модификаторов (обстоятельств).

В говоре старообрядцев на Иссе в конструкциях без подлежащего изредка встречаются формы перфекта, образованные *н/т*-причастиями от непереходных <u>глаголов</u>. Н. А. Морозова приводит четыре таких примера, при том что проанализированный ею материал составляет около 500 контекстов:

- (48) Хърашо ня жыто;
- (49) Пахожано, пъстрамствъно;
- (50) Всяко, гъварить ли, работано [Морозова 2004: 190].

В этом можно видеть влияние северно- или среднепсковских говоров на говоры по р. Иссе (возможно, отличия от основной массы опочецких говоров отражают миграции старообрядцев или приток к ним населения из других районов Псковской области).

6. Падежное маркирование субъекта и объекта в перфектных конструкциях

Семантический субъект в конструкциях с предикатом — действительным причастием обычно выражается И. падежом (примеры 51–52); этот диатезный тип конструкций принято называть субъектно-результативными [Недялков, Яхонтов 1983; Трубинский 1983]. Субъект состояния может быть выражен Д. падежом (53).

- (51) **Жалу́дък** <u>атйе́халшы</u> на́ три сънтиме́тра ЕГФ; Желудок <u>отъехал</u> (сдвинулся в сторону) на три сантиметра.
- (52) Вот **о́н** у меня <u>бы́л</u>... тако́й по́лный <u>зьде́лалшы</u>, <u>перяпра́вилшы</u>. Как ры́бе не́т так фсё, никаво́ ня йи́сьть ЕГФ; Вот он (кот) у меня <u>было сделался</u> такой полный, <u>поправился</u>. Как рыбы нет всё, ничего не ест.
- (53) А мне и сон был саснилшы (А мне и сон приснился) ЕНМ.

В перфектных конструкциях с предикатом — страдательным причастием субъект (агенс) регулярно выражается сочетанием «предлог у (в) + «родительный-местный» падеж: его флексии совпадают с флексиями родительного падежа в ед. числе (54) и с флексиями местного падежа во мн. числе (примеры (55)–(56)); во мн. числе для различения Р. и М. релевантны только формы существительных. Контаминация окончаний Р. и М. при предлоге у связана с фонетическим неразличением предлогов *u и *vъ и встречается только в говорах с неразличением этих предлогов; это явление отмечается во всех псковских, в южнорусских воронежских говорах [Малышева, Тер-Аванесова 2016]; точные его ареалы неизвестны⁹.

- (54) <u>Ета фсё в яво́ бы́лъ ако́шена</u> ЕГЯ;Это всё *он* (тогда) выкосил (=всё *у него* было окошено).
- (55) Хоть бы адин струк аста́лшы, фсё уже w кры́сах <u>ьбмьло́чьн</u> ЕГФ; Хоть бы один стручок гороха остался, <u>всё</u> уже <u>обмолотили</u> крысы (=всё у крысах обмолочен(о)).
- (56) *Ма́мка гвари́ть <u>ана́</u> в Стре́лине, там ф пъртиза́нъх <u>заня́та</u> ЕГФ; Мама говорит: она в Стрелине, там <u>ее</u> <u>захватили</u> <i>партизаны* (=она *у партизанах* занята).

Изредка в перфектных конструкциях с предикатом — страдательным причастием субъект выражается Т. падежом (57).

(57) Фсё нажы́т само́й (Всё сама нажила (=всё нажит(о) самой)) ЕГФ.

В опочецких, как и в других северо-западных говорах, такой способ выражения субъекта (агенса) встречается в конструкциях со сказуемым, в состав которого входит страдательное причастие, и подлежащим, выражающим семантический объект, — объектно-результативных [Трубинский 1983: 218] (см. примеры (54)—(56) и ниже в разделе 8), а также в конструкциях без подлежащего — безличных результативных [Там же: 217–218] (см. примеры (110)—(113) в разделе 9). В типологической литературе объектно-результативные и безличные результативные конструкции с выражением агенса сочетанием предлога с формой Р. падежа получили название «агентивный перфект» [Seržant 2012], «посессивный перфект» [Плунгян 2016: 27], «вторичный посессивный результатив» [Трубинский 1983: 221–222].

Семантический объект в перфектных конструкциях со страдательным причастием обычно выражается И. падежом (примеры (58)–(59), и никогда — В. (примеры вроде *Корову подоено*, известные в восточноновгородских говорах, в опочецких говорах отсутствуют).

⁹ В опочецких говорах при предлоге у (в) < *u- «родительный-местный» падеж употребляется также в посессивных конструкциях: Вот таки дела в бабе (Вот такие дела у бабы) ЕНМ; А ф прошлъм гаду́ — ой, ва фсих многа яблък (...у всех много яблок) ЕНМ; Раньшы цыгани — был у них важак, в цыганех, ф табъре (Раньше цыгане — был у них вожак, у цыган, в таборе) ЕНМ; А думають, ф пиньсиане́рах де́ньги (А думают, что у пенсионеров есть деньги) ЕИИ. Аблативное значение того же предложно-падежного сочетания: Куплю ба́нку мълака́ в сасе́да (у соседа) ЕНМ.

- (58) *А чы́м эты пираги́ ньчынёна: сьвёкла напа́рен*, на тёртку натёрт ЕНМ; А чем эти пироги начинены (=пироги начинёно): свёкла напарена, на тёрке натёрта (=свёкла напарен(о), натёрт(о)).
- (59) Эсли п не ба́пки, уш **я** давно́ <u>захаро́нен бы́ла</u> ЕГФ; Если бы не бабки (знахарки), меня <u>бы</u> уже давно <u>похоронили</u> (=я захоронен(о) была).

Отмечены случаи выражения прямого объекта Р. падежом — в конструкции с отрицанием (60) и при выражении количества (61).

- (60) Не, нам льго́т не да́н ЕНМ;Нет, нам не дали льгот (=льгот не дан(о)).
- (61) Пагляжу́ и тапе́рь фсё в мяня каво́-то нары́то; там фсякии кака́я-то то́ча бы́ла ра́ньше, тка́ли ставы́ бы́ли, то́чы како́й-то нало́жънъ, падру́шники каки́е-то и сеча́с ста́рые. Каво́-ту нары́то туды фсяво́, фсячына ЕГЯ; Посмотрю и сейчас всё у меня чего-то накидано (в сундуке), там всякие какая-то точа (полотно) была раньше, ткали ставы были, наложено какой-то точи, полотенца какие-то старые и сейчас. Чего-то накидано туда всего, всячина.

7. Перфектные конструкции с каноническим подлежащим

В нашем материале около 330 примеров перфектных конструкций. Большинство примеров — это конструкции с синтаксическим подлежащим, в меньшей части подлежащее отсутствует.

Для нашей темы важно разграничить подлежащие, выраженные одиночными именами и местоимениями в И. падеже или сочетаниями типа Сережа с Олей, Сережа и Оля (канонические подлежащие, с которыми сказуемое согласуется в роде и числе), и подлежащие, выраженные количественными сочетаниями (неканонические подлежащие, при которых сказуемое имеет форму ср. рода).

Согласование сказуемого в роде и числе с каноническим подлежащим выражается в первую очередь в форме глагола-связки прош. времени. Примеры (62)–(63) демонстрируют согласование связки с подлежащим м. рода ед. ч., примеры (65)–(67) — с подлежащим ж. рода ед. ч., примеры (68)–(69) — с подлежащим ср. рода ед. ч., примеры (64), (70), (83) — с подлежащим мн. числа. Согласование подлежащего и глагола-связки прош. имеет место в формах перфекта сослагательного наклонения (примеры 35, 37).

H/*m*-причастие может быть согласовано или не согласовано с подлежащим, в последнем случае оно имеет усеченную или неусеченную форму ср. рода. На варьирование согласованных, несогласованных неусеченных форм и несогласованных усеченных накладывается факультативная редукция конечного /о/, и все это вместе приводит к омонимии части словоформ причастий (см. выше раздел 4).

Наличие/отсутствие согласования h/m-причастия с подлежащим однозначно определяется в том случае, если подлежащее имеет форму мн. числа: согласованные

причастия имеют окончание -[ы]: кресты были отданы (70), дама проданы (78), сделаны уши (116); несогласованные неусеченные — -/o/ (фонетически -[ъ] или -[а]): сухари праедена (79), дама куплена (80); несогласованные усеченные не имеют окончания: старыи паложън (81).

При подлежащем м. рода в нашем материале различаются неусеченные несогласованные причастия с окончанием -/o/ (-[ъ] или -[а]) — он был рожена, был приве́зена (63), мага́зин закры́ть (72) — и согласованные и несогласованные усеченные формы, которые совпадают друг с другом: пъзвано́чник разби́т был (64), вки́нут па́спърт (71).

При подлежащем ж. рода противопоставлены несогласованные усеченные формы причастий, не имеющие окончаний — нага́ бы́ла сла́ман (66), маги́ла вы́къпън (73) — и совпадающие друг с другом в силу неразличения /о/ и /а/ в заударном слоге согласованные и несогласованные неусеченные формы, те и другие имеют окончания -[а]/-[ъ]: бы́ла ба́йня пъста́влена, пакры́та (67).

Наконец, при подлежащем ср. рода (а также в безличных конструкциях и конструкциях с неканоническим подлежащим) выступают усеченные или неусеченные формы среднего рода предикативных H/m-причастий. Первые не имеют окончания: H/m-причастий быль шшыт (69), H/m акно H/m акно H/m вторые имеют окончание H/m которое может быть представлено как [0]: H/m H/

Неизменяемое *ш*-причастие в составе форм перфекта или нулевая связка настоящего времени, понятно, согласования с подлежащим не выражают: *отец был устроилии* (62), костки были выросши (64), яна состарилии, я оста́лшы, вси вмёршы (65), лицо было перевернулии (68), я подгошилии (82).

- (62) Ну <u>ате́ц</u> приме́рна **бы**л как-ть **устро́илшы** спла́в гна́ли лес па ряке́ ЕНМ; Отец тогда вроде как-то *устроился* на работу сплав гнали, лес по реке (=oméц был устро́илши).
- (63) *А он семиме́сичный* **был ро́жена, был приве́зена** ЕГФ; А его (внука) родили семимесячным и привезли (=он был ро́жено, был приве́зено).
- (64) **Была разбилиы**, <u>пъзвано́чник</u> **разбит был** весь. Вот тут бальшу́шшы ко́стки бы́ли вы́ръшшы ЕГФ; Я тогда разбилась, разбила весь позвоночник. Вот тут выросли большие косточки (=я была разбилии; позвоночник был разбит (или разбит(о)); костки были выросши);
- (65) И яна ужо састарилшы была, и яна какая-то безуронная, кто ёй где састроил там бутку, анна жыла, вроде у ёй никаво не было. Гъварить, што я бажесвенна асталшы, давно фси вмёршы ЕГЯ; И она уже (к тому времени) состарилась, и она не имела родственников, кто-то где-то построил ей домик, жила одна, вроде, у нее никого не было. Говорит, что я осталась божественной (монахиней), все родные давно умерли (=она состарилшы была, я осталши, все умёрши).

- (66) И нага была сламан ЕНМ;
  - Ногу тогда сломала (=нога была сломан(о));
- (67) То́ка бы́ла ба́йня пъста́влена, пакры́та, и фсё ЕНМ; Только баню поставил, покрыл, и умер (=байня была поставлена, покрыта или поставлено, покрыто).
- (68) У йой <u>лицо́</u> фсё **бы́лъ** туда́ **пириверну́лшы** ЕГФ; У нее тогда всё лицо на бок перекосилось (=лицо было перевернулии).
- (69) Мне и <u>пальто́</u> од **бы́лъ** зи́мнийо **шиыт** АЯЕ; Мне и пальто вот зимнее тогда *сшили* (=пальто было *сшит(о)*).
- (70) Крясты́ ръзвърава́ли фси́. Быль кре́ст предабре́цкий-предабре́цкий, е́то... в ба́тьки в маво́ в ро́ннава, и он как уйе́хал сперва́ ешшо где-то, и бы́ло крясты́ бальшы́е в йево́ бы́ли. И мне́ бы́ли адда́ны ЕГЯ; Кресты разворовали все. Был крест предобрецкий, это у батьки моего родного, и он как уехал сперва еще куда-то, и тогда у него были большие кресты. И мне тогда (их) отдали (=(кресты) были отданы).
- (71) Ф камо́т фки́нът <u>па́спърт</u> ЕГЯ; В комод бросила паспорт (=вкинут паспорт).
- (72) <u>Мага́зин</u> **закры́тъ**, а е́ты ж къбаки́ день и но́т таргу́ють ЕНМ; Магазин закрыт, а эти же кабаки день и ночь торгуют (=магазин закрыто).
- (73) Зъплати́л за е́ту машы́ну, задъви́нъли гроп, пае́хъли, маги́ла вы́къпън, апусьти́ли, зъкапа́ли и пашли́ ЕНМ; Заплатил за эту машину, задвинули гроб, поехали, могила выкопана, опустили, закопали и пошли (=могила выкопан(o)).
- (74) <u>Што́-нибуть</u> е́то и фсё так, ышше й ни **забыто** ЕГЯ; Что-нибудь это и всё так, ещё и не забыла (=что-нибудь не забыто).
- (75) Он ты видиш <u>ухо́</u> **пате́рено**, <u>гла́с</u> **пате́рен**, два́ инвали́да жыве́ тут, я и о́н ЕГЯ; Он (кот), ты видишь ухо потерял, глаз потерял, два инвалида живёт тут я и он (=ухо потеряно, глаз потерян или потерян(о)).
- (76) Тяпе́рь **зьде́льнъ** фсё ни па-мо́ему, фсё па-сво́иму ЗИИ; Теперь всё сделали не по-моему, всё по-своему (=всё сделано).
- (77) Сквозьня́к <u>акно́</u> **аткрыт** ЗИИ; Сквозняк: окно открыто (=окно открыт(о)).
- (78) Там какие <u>дама́</u> **продъны** приежжа́ють ЕНМ; В дома, которые продали там, приезжают (=дома проданы).
- (79) Хватилась уш май сухари фси **прае́дена** ЕГФ; Хватилась — уж мои сухари все прогрызли (мыши) (=сухари проедено).
- (80) Вот в Бъраба́нъх и <u>дама́</u> **ку́плена** ЕНМ; В Барабанах и *дома купили* (=дома куплено).
- (81) *Где старыи паложън, туда и мъладых кладу́ть* ЕНМ; Где похоронены *старые* (т.е. родители), туда, в ту же могилу, хоронят и молодых (т.е. их детей) (*=старые положен(о*)).

- (82) Дъ фся́, я и па ве́су и пъ фсяму́, я **пъдгашы́лшы**, ка́к с таво све́ту **пришо́ччы** ЕГФ;
  - Да вся, я и по весу и по всему, я *дошла*, как будто *пришла* с того света (=я *подгошилши*).
- (83) Там **бы́ли аста́лиы сьвёкър**, и **сьвякро́вка** фси́ пирямёрыли ЕГЯ; Там остались свёкор и свекровь все поумирали.

В табл. 2 представлено количественное распределение предикативных n/m-причастий без окончания, с окончаниями -[a]/[ъ], -[o], -[ы]. В таблице приводится количество форм с указанными окончаниями в конструкциях с подлежащим ж., м., ср. рода и мн. числа, а также в безличных конструкциях и конструкциях с подлежащим — количественно-именным сочетанием.

Таблица 2 Флексии н/m-причастий в конструкциях с каноническим подлежащим ж., м., ср. рода и мн. числа, безличных конструкциях и конструкциях с неканоническим подлежащим

	M.p.	Ж.р.	Мн.ч.	Ср.р.	Безл.	Количименные сочетания
-#	26 (7) (1)	36 (1) (12)	17 (0) (9)	9 (0) (3)	8 (2) (1)	7 (0) (1)
-0				4 (3) (0)	1 (1) (0)	3 (3) (0)
-а,-ъ	8 (1) (1)	24 (6) (3)	13 (0) (0)	6 (1) (0)	16 (6) (0)	4(1)(0)
-ы			12 (7) (0)			

Жирным шрифтом указано общее число примеров в нашем материале, первая цифра в скобках — число примеров у ЕГЯ, вторая цифра в скобках — число примеров у АЯЕ.

На основании табл. 2 можно сделать некоторые выводы о количественном соотношении согласованных, несогласованных неусеченных и усеченных форм причастий в составе сказуемого перфектных конструкций. Хотя наш материал представляет собой полную выборку причастных форм из имеющихся текстов, он, по-видимому, недостаточен для того, чтобы адекватно отразить это количественное соотношение. Так, соотношение числа усеченных и всех других форм неодинаково при подлежащем ж. рода (36:24), мн. числа (17:25) и ср. рода в конструкциях с подлежащим и без него (24:34). Вместе с тем, в двух последних синтаксических позициях это соотношение довольно близкое: усеченные формы составляют 40—41% от общего числа форм. О соотношении числа несогласованных и согласованных форм можно судить по позиции при подлежащем мн. числа: они соотносятся как 30:12. У причастий при подлежащих м. и ж. рода различие согласованных и несогласованных форм скрыто их частичной омонимией.

Табл. 2 показывает, что формы причастий ср. рода с безударным окончанием -[о] в нашем материале являются редкостью: они встретились всего 8 раз (7 раз у ЕГЯ и 1 раз у ЕГФ), причем только при подлежащем ср. рода и в разных типах безличных конструкций. Формы с редукцией гласного в этой позиции, т.е. с -[а] и -[ъ], зафиксированы в 26 примерах, а при подлежащем м., ж. рода и мн. числа представлены только формы с редукцией в окончании (ср. в разделе 4 о конечном гласном в форме глагола-связки). Более архаичную картину показывают данные Н.А. Морозовой по говору старообрядцев: формы причастий с окончанием

-[о] встретились 4 раза при подлежащем м., ж. рода и мн. числа и 34 раза — при подлежащем ср. рода и в безличных конструкциях, в то время как формы с редукцией зафиксированы лишь 9 раз [Морозова 2004: 185–208]. Выше уже говорилось, что говор старообрядцев сохраняет [о] в заударном конечном слоге более последовательно, чем опочецкие говоры Повеличья, а эти последние составляют большую часть нашего материала. Вместе с тем примечательно, что ЕГЯ, которую интервьюировала Н. А. Морозова, когда той было чуть больше 70 лет, в разговоре с нами продемонстрировала устойчивую тенденцию к согласованию *н/т*-причастий с подлежащим и довольно редко употребляла усеченные формы.

В табл. 2 учтены данные по двум информантам, ЕГЯ 1927 г. р. и АЯЕ 1938 г. р., они показывают, что распределение вариантов у информантов различно и, по-видимому, коррелирует с возрастом. Усеченные формы причастий типа *сделан* независимо от наличия/отсутствия подлежащего преобладают у самой младшей информантки АЯЕ; идиолекты ЕНМ и ЗИИ близки в отношении употребления форм страдат. причастий; в целом меньше релевантных несогласованных форм у ЕГЯ и ЕГФ.

8. Конструкции с неканоническим подлежащим

Конструкции с неканоническим подлежащим в нашем материале представлены примерами, в которых подлежащее выражено количественными сочетаниями и родительным падежом прямого объекта. Сказуемое во всех этих случаях имеет форму ср. рода.

Количественные сочетания в роли подлежащего — это сочетания И. падежа квантификатора: количественного числительного (84)–(87), собирательного числительного (87), местоимений *сколько* (88), *сколько-то* (89), *несколько* (45), а также *много* (90)–(91), *вволю* (92), *полные две деревни* (86) с именами или местоимениями в Р. п. К неканоническим подлежащим можно отнести случаи выражения прямого объекта Р. падежом в конструкциях со сказуемым — *н/т*-причастием, имеющих отрицание или выражающих неопределенное количество (примеры (60)–(61)).

- (84) *W мяня* былъ насу́шън <u>два́ мяшка́</u> сухаре́й яму́ ЕГФ; Я насушила ему (коту) два мешка сухарей (=у меня было насушен(о) два мешка).
- (85) Гъвари́ть, уже <u>два́ мяшка́</u> **накла́денъ**, абира́ють с то́й пълави́не, ф тябя фсё шшас съвязу́ть ЕГФ;
  Говорит: уже наложили два мешка, собирают с той половины деревни, у тебя сейчас всё увезут (о мародерстве во время войны) (=два мешка накладено).
- (86) А нас там сагна́н наро́ду по́лные дьве́ дере́вни ЗИИ; А нас там согнали полные две деревни народу (=нас согнан(о) две деревни народу);
- (87) <u>Нас пятера</u> **аста́лшы.** Бараба́ньськи <u>три чылаве́ка</u> **аста́лшы**, и фсё, а эты дама́ наку́плинь, прие́дуть уе́дуть, и фсё. И ф Сяро́ських там <u>два</u> чылаве́ка **аста́лшы** ЕНМ;

- *Нас пятеро осталось*. Барабанских *три человека осталось*, и всё, а эти накупили домов, приедут-уедут, и всё. И у Серовских там *два человека осталось*.
- (88) Сколькъ пръ вайну сложънъ песин (Сколько про войну сложено песен) ЗИИ;
- (89) Вот свякрови быль там <u>сколько-то</u> дадин <u>соток</u> АЯЕ; Свекрови тогда сколько-то там дали соток (=сколько-то соток было даден(о)).
- (90) А эф там ки́п навязано мно́гу! А, там ки́п мно́гу наки́дано ЕГЯ А вон там навязали много кип сена (=навязано много кип).
- (91) Многь, картошки многь пасажьнь (картошки много посажено) ЗИИ;
- (92) Вво́лю синяко́м **пано́шън** ЕНМ; Сколько хочешь синяков было за всю жизнь (= вволю синяков поношено).

9. Перфектные конструкции без подлежащего

Перфектные конструкции без подлежащего представлены в говоре *безличны-ми* предложениями со сказуемым в форме ср. рода. Средний род сказуемого выражается формой связки прош. времени: $\delta \dot{\imath} i n o$ или, в случае редукции конечного гласного, $\delta \dot{\imath} i n a / \delta \dot{\imath} i n o$; а также формой $i n / \delta i n o$ или, в случае редукции, i n o причастия ср. рода имеет окончание i n o (i n o или, в случае редукции, i n o

Безличные перфектные конструкции представлены следующими группами примеров.

А. Конструкции с *н/т*-причастиями, в которых субъект и объект не выражены (отсутствуют, неизвестны или несущественны). В таких клаузах обычно имеются обстоятельства, иногда выражается бенефактив (94)–(96). В литературном языке этим конструкциям, как правило, соответствуют безличные предложения со сказуемым — страдательным причастием.

- (93) Там же прописьюй ф паспърьти быль записън, что я з дваццать дивятоо го́ду ЕГФ;
  Там же прописью в паспорте было записан(о), что я с 29-го года.
- (94) Значыт **сужъна** так, вот ы мне так **сужъна** ЕНМ; Значит, так *суждено*, вот и мне так *суждено*.
- (95) Мне была зьдельнь (Мне было сделано, т.е. на меня навели порчу) ЕГФ;
- (96) Де́вк, тяби зьде́льнь, и зна́иш, си́льнъ кре́пкъ ззе́льнь ЕГФ; Девка, на тебя навели порчу, и ты знаешь, навели очень сильно (=тебе *сделано*).
- (97) *Туда́ зьде́льнь* што рьзвара́чывъцць ЗИИ; Туда *сделано*, чтобы разворачиваться.
- (98) У нас там, у мня и избы-то бальшый, места п хватило, дъ и заламаны, и в доме заламано. И там и шкапы накуплены, и кравати, там фсё заставлено ЕГЯ; У меня и комнаты-то большие, места б хватило, но и заставлены, и в доме заставлено.

- (99) А, да, да, нъзывалися палицы. Вот примернъ дасочка, а к е́туй вото та́к праре́занъ. Ана шыро́кая, а е́та в руку́ взя́ть ЕНМ;
  А, да-да, назывались палицы. Вот, например, досочка, а к этой ее стороне вот так прорезано. Она широкая, а эта прорезь чтобы можно было взять в руку. (Возможен ж. род праре́занъ, в этом случае предложение неполное.)
- (100) A тагда́-та сьне́гу не́ быль, зима́ бы́ла бессне́жная. A везьде́ **бы́ла не вы́къшена**. Ската́-ть не́т в дяре́вни, та́м теперь жыле́ц тока де́ржа скати́ну, ската́-ть не́т $E\Gamma\Phi$; ...а везле было не выкошено.
- Б. Конструкции с неизменяемыми *ш*-причастиями, в которых не выражен субъект; их литературными аналогами являются безличные предложения со сказуемым в форме прош. времени ср. рода, см. (101)–(103).
- (101) *Тебе здéлънъ, тябе астáлшы жы́ть нямно́га* ЕГФ; Тебе сделано (т.е. на тебя навели порчу), тебе *осталось* жить немного.
- (102) Спаси́бъ ма́льцы прие́хъли маи́. Пашли́, гъваря́ть, што-тъ там па́хне ды́мъм, Бо́рька с Лёнькъй пашли, а там уже бальшу́шшым гъламя́нъм вы́гърелшы, то́къ што не згаре́лшы шатёр з драва́м ЕГФ;
  - ...а там уже большущим пятном выгорело, едва не сгорела поленница.
- (103) Вот туды к Максимихе, там таперь зарошшы ЕГЯ; Вот туда в сторону Максимихи там теперь заросло.
- В. Безличные конструкции с *ш* и *н/т*-причастиями, в которых не выражены ни субъект, ни объект действия, однако они известны из контекста. Некоторым клаузам в литературном языке соответствуют неполные предложения (104)–(105), (107), другим неопределенно-личные.
- (104) Яблъки вязьли́ тут в Бъраба́нъх, то́же бы́лъ пиривярну́лшы ЕНМ; Яблоки везли как-то раз в Барабанах тоже перевернулись (=было перевернулии, т. е. перевернулся грузовик, который вез яблоки).
- (105) В Апочки тут работы не быль он на се́вер, **быль уе́хълшы** ЕПЕ; В Опочке тут работы не было он на север, *уезжал* (=было уехалши).
- (106) *А этъ я́рмънки* **бы́лъ не спа́лшы** АЯЕ; А это (когда) уличные гуляния, (*мы*) не спали (=было не спалии).
- (107) А е́то не́мцы жгли́ атку́до пърьтиза́ны би́ли, е́ты ж дирявня́ фси жгли́. Па пе́рвосси фси с наро́дом бы́ли сажжо́н. В е́тъм, в Ме́линке, в Арьтю́хъве, ф Стре́лине, та́м жъ с наро́дъм бы́лъ сажжо́н ЕГФ; А это немцы жгли, откуда партизаны стреляли, эти ж деревни все жгли. Поначалу все (деревни) с людьми были сожжены. В этом, в Меленке, в Артюхове, в Стрелине там же с людьми сожгли (=было сожжено).
- (108) Ф Филёве **бы́лъ** у на́с **пу́шшън**. Ну, вот та́к анна́ пълави́нъ, тут се́ни, а тут в друго́й пълави́не жы́ли де́душкъ з ба́бушкъй, а та́я пълави́на бы́ла да́ден нам ну, зва́ли ра́ньше изба́-чита́льня, мы хади́ли туда́ гуля́ли вот АЯЕ;

- В Филёве у нас *пустили* (=было *пущено*). Ну вот так одна половина избы... ту половину дали нам, ну, раньше называли изба-читальня, мы ходили туда гулять вот (т.е. сельская администрация разрешила молодежи собираться на посиделки в избе-читальне).
- (109) А я вот уже после вайны́, со́рък чатьвёртъй гот, уже ъсвъбаждён бы́ла, а я уже зямлю́ капа́ла ЕНМ; А я вот уже после войны — 44-й год, уже освободили (=освобожден(о) было) — я копала землю.
- Γ . Конструкции с n/m-причастием, в которых агенс выражен сочетанием «предлог y + родительный-местный», а объект не выражен. В этой группе объединены примеры, в которых объект ясен/известен из контекста (110–112), как в примерах группы В, и примеры, в которых объект не определен или несуществен (113), как в группах Λ и Γ .
- (110) Я выхажу́, он там дъмыва́е катёл о, бап, $\underline{\phi}$ тябя́ так никада́ **не́ было** вы́чышшън, как я́ вы́чысьтил катёл. Я гърю, ну и мъладе́ц. (Ты никогда так не вычищала, как я вычистил котёл (=<u>у тебя</u> не было вычищен(о)).
- (111) В мня таперь, ну я уже и забуваюся, дочушка, вот ты гавари́ш и вот е́ть, ско́льке знако́мых приду́ть, а в мяня́ ужо ка́к **пъзабы́ть** ЕГЯ; У меня теперь... ну я уже и забываюсь, дочушка. Вот ты говоришь и вот это сколько знакомых придут, а я уже вроде (их) позабыла (= у меня позабыто).
- (112) Бе́лай во́тка и накида́н каре́нья. А <u>у меня</u> накно́ **былъ паста́влен** ЕГФ; Водка, и накидано коренье (или Р. коренья; состав настойки для растирания). А <u>я</u> поставила на окно (=<u>у меня</u> было поставлен(о)).
- (113) И <u>w нас</u> быль выкьшьна, ата́ва то́кь бы́ль аста́лшы. Падро́шшы, но фсё равно́ дь таво́ стра́шнь гаре́ла ЕГФ; И <u>мы</u> выкосили (=<u>y нас</u> было выкошено) (возможно, здесь посессивное у нас, а не выражение агенса, в этом случае данный пример близок к (100)).

По примерам В и Г можно видеть, что в опочецких говорах известные из контекста субъект или объект действия в перфектных конструкциях могут быть опущены, а сами конструкции в этом случае оформляются как безличные, т. е. их сказуемое имеет форму ср. рода. Однако омонимия форм как *н/т*-причастий, так и, в меньшей степени, глагола-связки в прош. времени, нулевая связка в наст. вр. и несклоняемость *ш*-причастий часто приводят к невозможности разграничения на основании морфологических критериев безличных, неполных предложений и предложений с однородными сказуемыми. Так, к группе Г, по-видимому, можно отнести примеры с *н/т*-причастиями и нулевой связкой (114)–(115), к группе В — примеры (116)–(118); во всех случаях, разумеется, есть возможность трактовки этих предложений как неполных с несогласованными причастиями в составе сказуемого (114)–(115) или как однородных сказуемых в предложениях с подлежащим (в примерах (116)–(118)). Скорее всего, причастия согласованы с подлежащим в примерах (119)–(120) и выступают в составе сказуемых неполных предложений.

- (114) $\underline{Y}$ мяня́ вы́ръбътън, я рабо́тъла ф калхо́зе ЕГЯ; $\underline{\mathcal{A}}$ выработала (= $\underline{y}$ меня выработано) (возможно, неполное предложение: $\underline{y}$ меня выработан (стаж)).
- (115) (А вы из колодца берёте воду?) Я качаю, мне **праве́ден** <u>у сы́на</u> ЗИИ; Я качаю, мне <u>сын</u> провёл (воду) (=проведен(о) <u>у сына</u>) (возможно, неполное предложение: Мне проведена (вода) у сына или Мне проведен (водопровод) у сына).
- (116) Зде́льны к этым лаптя́м такие ву́шы, с ни́тък спле́тена, нъзыва́юццъ або́ры, вот тагда́ замета́еш вакрук но́к и пашо́л ф по́ле. Шшыта́й дъ кале́на мата́ёш ЕНМ;

  Сделаны к этим лаптям такие уши, из ниток сплетено или сплетены, называются оборы (=сплетено: сказуемое ср. рода безличного предложения или несогласованное причастие в составе однородного сказуемого при подле-
- (117) Дом ф Паря́дине и сеча́с, не продана ЕНМ; Дом в Порядине есть и сейчас, не продано (несогласованная неусеченная форма ср. рода в безличной конструкции или однородное сказуемое при подлежащем дом.
- (118) Дан с съцапе́ки, приходя ЕНМ; Дали из соцопеки, приходит (помощница по хозяйству) (=дан(о), несогласованная усеченная форма ср. рода: сказуемое в безличном предложении или сказуемое при опущенном подлежащем помощница в неполном предложении).
- (119) *Та́нькъ пашла́, у како́ё пла́тьйе аде́та!* АЯЕ; Танька пошла, в какое платье одета!

жащем мн. ч. уши).

(120) Вот ихная дочка майм работникъм и есь, з зашшыте дана ЕНМ; Вот их дочка и есть мой работник, (ее) дали из социальной защиты.

10. Предложения без подлежащего и со сказуемым, выраженным неизменяемыми *ш*-причастиями

Предложения без подлежащего и со сказуемым, выраженным неизменяемыми *ш*-причастиями, в нашем материале встретились главным образом с нулевой связкой, что не позволяет однозначно определить грамматическую характеристику сказуемого и, следовательно, тип односоставного предложения. Как показывают примеры, приведенные в разделе 9, для опочецких говоров характерны безличные перфектные конструкции (со сказуемым в форме ср. рода), субъект или объект которых названы в более широком контексте или ясны из конситуации; их аналогом в литературном языке являются неполные предложения. Это обстоятельство не позволяет исключать безличные предложения и в примерах (121)—(125). Вместе с тем множественное число субъекта, устанавливаемое из контекста в примерах (121)—(123), не столь очевидным образом — в (124), позволяет предполагать в этих примерах и неопределенно-личные односоставные конструкции. В примере (125), возможно, представлено неполное предложение.

- (121) Вот зьдесь прие́хълшы, тожь вод дваци фтаровь уже́ уйежжа́ють ЗИИ; Вот здесь приехали, тоже 22-го уже уезжают.
- (122) Жыли там, с Апочки приехафшы (Жили там, приехали из Опочки) ЕПЕ.
- (123) *А в дяре́вни наро́ду нет, вбе́кшы з дамо́ф* ЕНМ; А в деревне народу нет, *убежали* из домов.
- (124) *Там расстро́илшы*, там бог знае што ЕНМ; Там настроили много домов, там бог знает что.
- (125) Я́ в го́ръде ня жы́ла, ну, **бы́лъ сье́хълшы** так мале́нькъ г де́тям АЯЕ; Я в городе не жила, ну *отъезжала* ненадолго к детям (была/было съехалии).

11. Вместо выводов. Залог причастий в формах перфекта: лингвогеографический аспект

Опочецкое распределение залоговых форм причастий в составе форм перфекта в зависимости от переходности глагола характерно далеко не для всей обширной восточнославянской территории распространения перфектных конструкций.

Как известно, объектно-результативные конструкции с предикативными н/т-причастиями, образованными от переходных глаголов (Дом построен), в восточнославянских диалектах распространены повсеместно. Весьма обширную территорию распространения имеют субъектно-результативные конструкции с предикативными ш-причастиями (Он ушёдши 'он ушёл'): их ареал охватывает западную диалектную зону русского языка, территорию северо-восточного диалекта белорусского языка и центральные белорусские говоры; несравненно реже этот тип конструкций встречается на территории юго-западного диалекта белорусского языка и в примыкающих к ним русских говорах южнее линии Рославль — Брянск [ДАБМ, карта 205; ДАРЯ III (2), карта 1; Кузьмина, Немченко 1971, карта 1; Трубинский 1983: 217]. В пределах ареала субъектно-результативных конструкций типа он ушёдши, тем самым, имеет место характерное для опочецких говоров распределение залога предикативных причастий в зависимости от переходности глагола. Границы этого ареала в большой степени связаны со смоленско-полоцкой и псковско-новгородской диалектными областями. Однако в большинстве русских говоров и некоторой части белорусских, входящих в этот ареал, данное распределение является нестрогим или вовсе нарушенным изза распространения ряда инновационных перфектных конструкций.

Объектно-результативные конструкции с m-причастиями от переходных глаголов (Дом постройвши 'дом построен/построили'), очевидно, являются инновационными и встречаются в двух относительно небольших компактных ареалах: в русских селигеро-торжковских говорах и в говорах северозападной Белоруссии, примыкающих к Литве и Латвии; в тех же говорах менее распространены объектно-результативные конструкции с n-причастиями от переходных глаголов. Отличие селигеро-торжковских от северо-западных белорусских систем заключается в том, что в первых может быть выражен агенс при помощи сочетания «предлог y + родительный»: y него дом построивши 'он построил дом',

а для вторых такое выражение агенса нехарактерно [ДАБМ, там же; ДАРЯ III (2), карты 1, 2; Эркер 2014]. По-видимому, появление данного типа конструкций происходило в двух ареалах независимо друг от друга.

В большинстве русских говоров, знающих перфектные конструкции (за исключением южнопсковских говоров Себежского, Невельского, Пустошкинского р-нов, смоленских говоров, опочецко-великолукских и узкой полосы южных вологодских говоров), получили более или менее широкое распространение безличные перфектные конструкции с *н/т*-причастями от непереходных глаголов: *Было жито* '(Вот как) жили'; (*У него*) уйдено 'он ушел'; *У него жененось* 'Он женился' [Кузьмина, Немченко 1971, карта 2; ДАРЯ III (2), карты 1, 2]). В очень небольшой степени, как мы видели, такие конструкции проникли и в говоры старообрядцев на Иссе, но в основном ареале опочецких говоров их нет.

Согласно картам 2, 3 в [Кузьмина, Немченко 1971], выражение агенса (с у бъе к т а) сочетанием «предлог y + родительный» в целом характерно для северно- и среднерусских говоров с перфектными конструкциями и отсутствует в южнорусских. А. Даниленко указывает, что данный конструктивный элемент характерен и для некоторых белорусских и украинских говоров [Danylenko 2015], однако в атласах это явление не картографировано; возможно, оно имеет рассеянный характер распространения. Очевидно, возникновение этого явления связано в первую очередь с псковско-новгородской территорией; распространение оно получило в пределах средневековых Псковской и Новгородской земель, на что указывает южная граница его распространения: по данным И.Б. Кузьминой и Е.В. Немченко, она соотнесена с границей современных Опочецкого и Великолукского р-нов (их говорам это явление свойственно) и Себежского, Невельского, Пустошкинского, Велижского (в которых оно отсутствует). Как известно, это не просто южная граница среднерусских говоров, но и граница русского и белорусского языков по [Опыт 1915], во многом повторяющая границу Великого княжества Литовского и прилегающих к нему территорий, в разное время находившихся в зоне его политического влияния.

Судя по картам в [Кузьмина, Немченко 1971], с юго-западным отрезком границы распространения сочетаний «предлог y + родительный» в значении агенса (субъекта) полностью совпадает южная граница ареала не согласованных с подлежащим предикативных h/m-причастий, усеченных и неусеченных (*Миска помыто/помыт*).

Таким образом, опочецкие, небольшая часть великолукских и торопецких говоров объединяются с сопредельными им русскими говорами Западной группы южнорусского наречия (по К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой), они же белорусские, согласно [Опыт 1915], и большей частью белорусских говоров в отношении строгого распределения залоговых форм причастий в составе перфектных (результативных) конструкций в зависимости от переходности глагола. (То же распределение этих причастий, согласно картам И.Б. Кузьминой и Е.В. Немченко, имеется в южных вологодских говорах.) С другой стороны, очень небольшой компактный ареал, включающий опочецкие говоры и прилегающую к ним часть названных тверских говоров, отделяется от ареала "северо-восточных белорусских" систем перфектных конструкций тем, что в опочецких говорах отразились специфически русские

особенности перфектных конструкций: агенс (субъект) выражается сочетанием y + родительный падеж», y + причастия могут не иметь согласования с подлежащим и при отсутствии согласования могут выступать в неусеченной и усеченной формах. Опочецкая система перфектных форм и конструкций, таким образом, выделяется своей спецификой среди других восточнославянских систем; по сравнению с другими русскими системами она отличается большей архаичностью (в том, что касается залоговых форм причастий).

Вместе с тем, опочецкая система перфектных конструкций представляет собой компромисс между «белорусским» и «русским» принципами устройства (напомним, что Н. Н. Дурново считал опочецкие говоры смешанными русско-белорусскими). Территорией распространения опочецких перфектных конструкций является небольшой зазор между северной границей систем выражения перфекта белорусского типа и мощным пучком изоглосс, образующих южную границу распространения синтаксических явлений, свойственных северо-западным и северным говорам русского языка.

Информанты

ЕГЯ — Евфимия Григорьевна Яковлева (зап. в Антоново, род. в Марфино), 1927, 4 кл.; ЕНМ — Евгения Николаевна Михайлова (зап. в д. Барабаны, род. в д. Росляки), 1928, 4 кл.; ЕГФ — Екатерина Григорьевна Фёдорова (зап. в Сорокино, род. в Самсоново), 1929, 4 кл.; ЕПЕ — Елена Петровна Екимова (зап. в д. Большие Рогатки, род. в Рогаткино), 1930, 4 кл.; ЗИИ — Зинаида Ивановна Иванова (Кадниково), 1932, 6 кл.; АЯЕ — Александра Яковлевна Емельянова (зап. в с. Глубокое, род. в д. Водобег), 1938, 7 кл.; ЛСО — Любовь Савельевна Орехова (Барсаново), 1957, 10 кл., училище.

Приложение

1. Глаголы, от которых зафиксированы *н/т*-причастия в перфектных конструкциях (в обратном алфавитном порядке)

привезти 'привезти' прорезать привезти 'привязать' (приве́зин) срезать

развести 'размешать с водой' навязать 'много связать'

провести (водопровод) привязать отвести соткать

сплести наделать 'много сделать'

вынести (из дома) приделать

дать (дан, дадин) сделать 'сделать', 'навести порчу'

накидать прислать продать разослать

отдать заломать 'заставить вешами'

выполоскать сломать

выгнать сохранить

выкопать начинить (пироги)

собрать заполнить

выбрать захоронить 'похоронить' настроить 'много построить'

выписать (очки) построить

выработать (стаж) стопить 'истопить'

намотать купить

накачать (воду) откупить 'выкупить'

одеть напарить сдеть 'снять' (одежду) подвесить натереть повесить прогореть (пръгарён) окосить подбить выкосить

разбить поносить 'носить несколько раз'

прибить (приколотить молотком) бросить пробить наметить отправить обмолотить заставить (мебелью) вычистить

оставить пустить 'разрешить входить'

поставить 'построить'; 'поставить' приучить наготовить сшить посадить (растения) разрушить насушить родить накласть

загородить проесть 'прогрызть'

судить 'предопределить судьбу' вкинуть нажить забыть наложить позабыть

обложить нарыть 'набросать'

положить 'похоронить' закрыть сложить (печь) покрыть

грузить занять 'захватить в плен' нагрузить взять 'пригласить, нанять'

влить 'вмуровать' потерять вылить 'отлить' (из металла) сжечь

2. Глаголы, от которых зафиксированы *ш*-причастия в перфектных конструкциях (в обратном алфавитном порядке)

перейти (пирешо́тшы) зарасти (заро́шшы) прийти (пришо́ччы) подрасти (падро́шшы) пройти (прашо́ччы) вырасти (вы́ръшшы) выйти (замуж) (вы́шетшы) расцвести (расцвёлшы)

найтись (нашоччы) собраться 'сойтись' (сабралшы) разойтись 'распространиться'; 'разбо- остаться (асталшы) леться' (ръзашоччы) спрятаться (спрятьлшы) разбиться 'ушибиться' (разбилшы) спать (не спалиы) приехать (прие́хълшы, прие́хафсы, переправиться 'потолстеть, поправитьприе́хафшы) ся' (перяправилшы) уехать (*вйе́хълшы*) явиться не запылиться (явилиы ни запысъехать 'съездить, уехать' (сье́хълшы) ли́лшы) отъехать 'отодвинуться' (*атье́хълшы*) родиться (радилшы) заболеть (зъбале́лшы) развалиться (ръзвали́лшы) околеть 'замерзнуть, потерять чувстви- отвалиться (атвалилыы) тельность от холода' (ноги ъкале́лшы) сосниться 'присниться' (со́н был помереть (памёрши) сасни́лшы) умереть (умёршы) расстроиться 'расстроиться, настроить сгореть (не згаре́лшы) много домов' (расстроилшы) выгореть (выгърелшы) устроиться 'устроиться работу' на выпить 'выпить, опьянеть' (выпилшы) (устроилшы) подгошить 'дойти до истощения' (пъдга- состариться (састарилшы) шыілшы) договориться (дъгъварилшы). есть (елшы) 'покрыться поколоться трещинами' погибнуть (пагипшы) (пъкало́лшы) вмёрзнуть 'намертво вклеиться' (вмёр- расколоться 'покрыться трещинами' шшы) (ръскало́лшы). примёрзнуть (к чему-либо) (примёршшы) нагнуться (нагну́лшы) привыкнуть (привыкши) перевернуться (пиривярнулиы) притихнуть (притихшы) скорнуться 'согнуться, скрючиться' засохнуть 'заснуть' (засохшы) (скорнулшы) прибечь (прибекшы) прозабыться 'перезабыть всё' (ŭá убечь (вбекшы) пръзабылшы) замазаться 'испачкаться' (замазълшы) закрыться 'запереть дверь, запереться' привязаться 'пристать, вести себя навяз-(закры́лси) чиво' (привязалиы) заняться (заня́лшэ фсё дялам) сделаться 'стать' (зьделалшы) настояться (нъстайалшы)

Источники

ДАБМ — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Карты. Мінск, 1963.

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. І. Фонетика. М., 1986. Вып. ІІ. Морфология. М., 1989. Вып. ІІІ, часть 1. Лексика. Минск, 1997. Вып. ІІІ, часть 2. Синтаксис. Лексика. Минск, 2000.

Опыт 1915 — Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов, Д. Н. Ушаков. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. М., 1915.

Литература

 Γ лускина С. М. Морфонологические наблюдения над звуком [ch] в псковских говорах // Псковские говоры. Вып. 1. Псков, 1962. С. 28–57.

Горбова Е.В. Результативность, экспериенциальность, инклюзивность, иммедиатность: чем определяется значение перфекта? // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. XII, часть 2. Исследования по теории грамматики. Вып. 7. Типология перфекта. СПб., 2016. С. 39–66.

Гребёнкина М.Ю. Результатив и перфект в одном опочецком говоре (курсовая работа, НИУ «Высшая школа экономики», рукопись).

Дурново Н. Н. Очерк истории русского языка // Дурново Н. Н. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000.

Дьяченко С. В., Жидкова Е. Г., Малышева А. В., Ронько Р. В., Тер-Аванесова А. В. Экспедиция в Опочецкий р-н Псковской обл. // Русский язык в научном освещении. 2017. № 2 (34). С. 257–312.

Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.

Карский Е. Ф. Этнографическая карта белорусского племени. СПб., 1903.

Кузьмина И.Б. Еще раз о конструкциях типа *картошка выкопано*, *кони запряжено*, *пол помыто* в русских говорах // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975. С. 202–234.

Kузьмина И. Б., Немченко Е. В. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М., 1971.

Ландер Ю. А. Русский разговорный субъектный результатив (рукопись).

Малышева А.В., Тер-Аванесова А.В. Предлог y < *u, *v в южнорусском говоре: фонетика, управление, семантика // Славянские языки и культуры в современном мире: III Международный симпозиум: Труды и материалы (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 23–26 мая 2016 г.): к юбилею Марины Леонтьевны Ремнёвой / Сост. О.В. Дедова, Е.В. Петрухина, Л.М. Захаров. М., 2016. С. 224–227.

Маркова Н.В. Диалектные способы выражения субъекта и объекта в Онежских говорах и их история. Дисс. ... филол. наук. Институт русского языка АН СССР. М., 1989.

Морозова Н.А. Несогласованные пассивные конструкции в говорах под Опочкой на Псковщине // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. II (VIII). М., 2002. С. 185–207.

Морозова Н. А., Чекмонас В. Н. К проблеме грамматического статуса и значения сочетаний быть прош. + π -овые формы глагола в старообрядческих говорах Литвы // Псковские говоры: синхрония и диахрония. Межвузовский сборник научных трудов. Псков, 2003.

Морозова Н. А., *Чекмонас В. Н.* Две заметки о причастных формах в псковских говорах под Опочкой // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. II (VIII). М., 2002. С. 159–167.

 $Heдялков\ B.\ \Pi.,\ Яхонтов\ C.\ E.\ Типология результативных конструкций // Типология результативных конструкций / В. П. Недялков (ред.). Л., 1983. С. 5–41.$

Николаев С. Л. Рефлексы *s (*z), *š (*ž) и *sj (*zj) в псковских говорах и в двух псковских рукописях XV–XVI вв. // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 6. Славянская диалектология и история языка. М., 2005. С. 94–112.

Николаев С.Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных русских народных говорах. 1. Кривичи // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988. С. 115-154.

Николаев С. Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных русских народных говорах. 1. Кривичи (окончание) // Балто-славянские исследования 1987. М., 1989. С. 187–225.

Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.

Плунгян В. А. К типологии перфекта в языках мира // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. XII, ч. 2. Исследования по теории грамматики. Вып. 7. Типология перфекта. СПб., 2016. С. 7–36.

Пожарицкая С. К. О лингвогеографических параметрах функционирования причастных форм в русских говорах // Contemporary approaches to dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects. Bergen, 2014. С. 109–129.

Рыко А.И. Причастия на *-ши* в одном западнорусском говоре торопецко-холмского региона // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2 (4). С. 171–193.

Трубинский В. И. Результатив, пассив и перфект в некоторых русских говорах // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л., 1983. С. 216–226.

Трубинский В. И. Очерки русского диалектного синтаксиса. Л., 1984.

Чекмонас В. О формах типа *гуля́ле, пашле́* '(мы, они) гуляли, пошли' и под. в псковских говорах под Опочкой // Slavistica Vilnensis 2002 (=Kalbotyra 51(2)). 2002. С. 13–38.

Чекмонас В. Н. Заударное оканье в псковских говорах под Опочкой // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. II (VIII). М., 2002. С. 36–57.

Эркер A. Способы выражения прошедшего времени в белорусском смешанном говоре на балто-славянском пограничье // Contemporary approaches to dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects. Bergen, 2014. C. 130–149.

Arkadiev P., Holvoet A., Wiemer B. Introduction: Baltic linguistics — State of the art // Contemporary approaches to Baltic Linguistics / P. Arkadiev, A. Holvoet, B. Wiemer (eds.) Berlin, 2015. P. 1–109.

Arkadiev P., Wiemer B. Perfects in Baltic and Slavic (draft, [https://www.academia.edu/37596051/Perfects_in_Baltic_and_Slavic]).

Danylenko A. Is there any possessive perfect in North Russian? // Word. Vol. 56. 2005. No 3. P. 347–379.

Seržant I. A. The so-called possessive perfect in North Russian and the Circum-Baltic area. A diachronic and areal account // Lingua. 122. 2012. N 4. P. 356–385.

Wiemer B. The evolution of passives as grammatical constructions in Northern Slavic and Baltic languages // What makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components / W. Bisang, N. P. Himmelmann & B. Wiemer, (eds.). Berlin; New York, 2004. P. 271–331.

Svetlana V. Dyachenko

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
svet-lan-a@list.ru

Elena G. Zhidkova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences / Russian State University for the Humanities

> (Moscow, Russia) zhidkova_elena85@mail.ru

Alexandra V. Ter-Avanesova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
teravan@mail.ru

PAST PARTICIPLES AND PERFECT CONSTRUCTIONS IN OPOCHKA DIALECTS

The paper describes the forms and syntactic functions of past participles and, above all, their use in perfect constructions in the dialects of the Opochka District in Pskov Region. The material is a complete sample of contexts with participles from approximately five hours of audio recordings of dialectal speech. In Opochka dialects and a small portion of neighboring Tver dialects, *š*-participles are derived from the stem of the past tense forms (javilši); such forms are not found anywhere outside this small area. The use of full and short forms, aspect, and voice in the forms of participles are considered in connection with their syntactic functions. The article describes the formation of present and past perfect forms, the subjunctive mood, negative perfect forms, diathetic types of perfect constructions, and case marking of subject and object. The coordination of the auxiliary verb and participles with the subject and their forms in the case of the absence of a subject are described in connection with reduction of /o/ in the final open syllable. Opochka dialects have a special system of morphological and diathetic types of perfect constructions, which distinguishes them from other East Slavic dialects. Like most Northern and Middle Belarusian dialects, they are characterized by a distribution of voice forms of participles depending on the transitivity of the verb: in object-resultative constructions, n/t-participles of transitive verbs occur, whereas in subject-resultative ones $\check{s}$ -participles of intransitive verbs do. In most Russian dialects, there are deviations from this distribution. Unlike Belarusian dialects, in Opochka dialects, the agent can be expressed by a combination of «u + genitive/local case». This is characteristic of all Russian dialects in which perfect constructions occur.

Keywords: Pskov dialects, participle, perfect constructions, linguogeography.

References

Arkadiev P., Holvoet A., Wiemer B. Introduction: Baltic linguistics — State of the art. *Contemporary approaches to Baltic Linguistics*. P. Arkadiev, A. Holvoet, B. Wiemer (eds.) Berlin, 2015. P. 1–109.

Arkadiev P., Wiemer B. *Perfects in Baltic and Slavic* (draft, [https://www.academia.edu/37596051/Perfects in Baltic and Slavic]).

Chekmonas V. N. Zaudarnoe okan'ye v pskovskikh govorakh pod Opochkoy. *Materialy i issledovaniya po russkoy dialektologii*. Vyp. II (VIII). Moscow, 2002. S. 36–57.

Chekmonas V. O formakh tipa *gulyále*, *pashlé* '(my, oni) gulyali, poshli' i pod. v pskovskikh govorakh pod Opochkoy. *Slavistica Vilnensis* 2002 (=*Kalbotyra* 51(2)). 2002. S. 13–38.

Danylenko A. Is there any possessive perfect in North Russian? *Word*. Vol. 56. 2005. No 3. P. 347–379.

Durnovo N. N. Ocherk istorii russkogo yazyka. In: Durnovo N. N. *Izbrannye raboty* po istorii russkogo yazyka. Moscow, 2000.

D'yachenko S. V., Zhidkova E. G., Malysheva A. V., Ron'ko R. V., Ter-Avanesova A. V. Ekspeditsiya v Opochetskiy r-n Pskovskoy obl. *Russkiy yazyk v nauchnom osvesh-chenii*. 2017. No 2 (34). S. 257–312.

Erker A. Sposoby vyrazheniya proshedshego vremeni v belorusskom smeshannom govore na balto-slavyanskom pogranich'ye. *Contemporary approaches to dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects.* Bergen, 2014. S. 130–149.

Gluskina S.M. Morfonologicheskie nablyudeniya nad zvukom [ch] v pskovskikh govorakh. *Pskovskie govory*. Vyp. 1. Pskov, 1962. S. 28–57.

Gorbova E.V. Rezul'tativnost', eksperientsial'nost', inklyuzivnost', immediatnost': chem opredelyaetsya znachenie perfekta? *Acta linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy. T. XII, chast' 2. Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 7. Tipologiya perfekta.* St. Petersburg, 2016. S. 39–66.

Grebenkina M. Yu. *Rezul'tativ i perfekt v odnom opochetskom govore* (Thesis NIU «Vysshaya shkola ekonomiki», Moscow, manuscript).

Karskiy E. F. Etnograficheskaya karta belorusskogo plemeni. St. Petersburg, 1903.

Kuz'mina I.B. Eshche raz o konstruktsiyakh tipa kartoshka vykopano, koni zapryazheno, pol pomyto v russkikh govorakh. *Russkie govory: K izucheniyu fonetiki, grammatiki, leksiki.* Moscow, 1975. S. 202–234.

Kuz'mina I.B., Nemchenko E.V. Sintaksis prichastnykh form v russkikh govorakh. Moscow, 1971.

Lander Yu. A. Russkiy razgovornyy sub"ektnyy rezul'tativ (rukopis').

Malysheva A. V., Ter-Avanesova A. V. Predlog $u < *u, *v_b$ v yuzhnorusskom govore: fonetika, upravlenie, semantika. *Slavyanskie yazyki i kul'tury v sovremennom mire: III Mezhdunarodnyy simpozium: Trudy i materialy (Moskva, MGU imeni M. V. Lomonosova, filologicheskiy fakul'tet, 23–26 maya 2016 g.): k yubileyu Mariny Leont'yevny Remnevoy / Sost. O. V. Dedova, E. V. Petrukhina, L. M. Zakharov. Moscow, 2016. S. 224–227.*

Markova N. V. *Dialektnye sposoby vyrazheniya sub"ekta i ob"ekta v Onezhskikh govorakh i ikh istoriya*. Thesis, Russian Language Institute of the Academy of Sciences of the USSR. Moscow, 1989.

Morozova N. A. Nesoglasovannye passivnye konstruktsii v govorakh pod Opochkoy na Pskovshchine. *Materialy i issledovaniya po russkoy dialektologii*. Vyp. II (VIII). Moscow, 2002. S. 185–207.

Morozova N. A., Chekmonas V. N. Dve zametki o prichastnykh formakh v Pskovskikh govorakh pod Opochkoy. *Materialy i issledovaniya po russkoy dialektologii*. Vyp. II (VIII). Moscow, 2002. S. 159–167.

Morozova N. A., Chekmonas V. N. K probleme grammaticheskogo statusa i znacheniya sochetaniy byt' prosh. + *l*-ovye formy glagola v staroobryadcheskikh govorakh Litvy. *Pskovskie govory: sinkhroniya i diakhroniya. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov.* Pskov, 2003.

Nedyalkov V. P., Yakhontov S. E.. Tipologiya rezul'tativnykh konstruktsiy. *Tipologiya rezul'tativnykh konstruktsiy*. V. P. Nedyalkov (red.). Leningrad, 1983. S. 5–41.

Nikolaev S. L. Refleksy *s (*z), *š (*ž) i *sj (*zj) v pskovskikh govorakh i v dvukh pskovskikh rukopisyakh XV–XVI vv. *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii*. Vyp. 6. Slavyanskaya dialektologiya i istoriya yazyka. Moscow, 2005. S. 94–112.

Nikolaev S.L. Sledy osobennostey vostochnoslavyanskikh plemennykh dialektov v sovremennykh russkikh narodnykh govorakh. 1. Krivichi. *Balto-slavyanskie issledovaniya 1986*. Moscow, 1988. S. 115–154.

Nikolaev S. L. Sledy osobennostey vostochnoslavyanskikh plemennykh dialektov v sovremennykh russkikh narodnykh govorakh. 1. Krivichi (okonchanie). *Balto-slavyanskie issledovaniya 1987*. Moscow, 1989. S. 187–225

Obrazovanie severnorusskogo narechiya i srednerusskikh govorov. Moscow, 1970.

Plungyan V. A. K tipologii perfekta v yazykakh mira. *Acta linguistica Petropolitana*. *Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy. T. XII, ch. 2. Issledovaniya po teorii grammatiki*. Vyp. 7. Tipologiya perfekta. St. Petersburg, 2016. P. 7–36.

Pozharitskaya S.K. O lingvogeograficheskikh parametrakh funktsionirovaniya prichastnykh form v russkikh govorakh. *Contemporary approaches to dialectology. The Area of North, North-West Russian and Belarusian Dialects.* Bergen, 2014. S. 109–129.

Ryko A. I. Prichastiya na -shi v odnom zapadnorusskom govore toropetsko-kholmskogo regiona. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2002. № 2 (4). S. 171–193.

Trubinskiy V.I. Ocherki russkogo dialektnogo sintaksisa. Leningrad, 1984.

Trubinskiy V.I. Rezul'tativ, passiv i perfekt v nekotorykh russkikh govorakh. *Tipologiya rezul'tativnykh konstruktsiy (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt)*. Leningrad, 1983. S. 216–226.

Wiemer B. The evolution of passives as grammatical constructions in Northern Slavic and Baltic languages. *What makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components*. W. Bisang, N.P. Himmelmann & B. Wiemer, B. (eds.). Berlin & New York: Mouton de Gruyter, 2004. P. 271–331.

Zakharova K. F., Orlova V. G. Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka. Moscow, 1970.